

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

- II Д.И.Вдовиченко, Борьба политических партий в Турции в 1944-1965 гг., М., 1967, с.80.
- I2 Там же.
- I3 Мельник, Турция, с.32.
- I4 Вдовиченко, Борьба политических партий в Турции, с.80.
- I5 Ülkü, с.1, Ank., 1947, с.4.
- I6 Цит. по кн.: Новейшая история Турции, М., 1968, с.125.
- I7 Baltacıoglu, Halkın evi, с.40.
- I8 Tarih, с.IV, с.189.
- I9 Baltacıoglu, Halkın evi, с.3.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid, с.3.
- 22 Ibid, с.29.
- 23 Ibid, с.30.

Ю.Л.Кроль

О КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, ПРЕДСЫЛВАВШИХ
СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНОВ КИТАЙСКОМУ МОНАРХУ

I.O. При обсуждении проблемы, была ли власть китайского императора деспотической, встал вопрос и о том, была ли она ограничена законами. Опираясь на данные К.Бюнгера, В.Эберхард пришел к выводу, что была. Он мотивировал это тем, что 1) все династии, начиная с Цинь, наследовали кодексы от предшественников, модифицируя или расширяя их лишь в меру необходимости, а не устанавливали законы произвольно; 2) институционно обнародование кодекса было не односторонним актом правителя, но "актом соглашения" между правителем и управляемыми, причем законы разрабатывались конфуцианцами в соответствии с системой морали и издавались правителем, который и при их издании, и

при решении судебных дел был связан этой системой.

1.1. Известно, что закон не рассматривался в китайской традиции как божественный и что в ней сознавалось его человеческое происхождение. В связи с этим возникает вопрос, какие культурные представления предписывали китайскому монарху соблюдать законы собственного государства. Ниже будут рассмотрены два таких представления, выделенные на раннем материале IV-I вв. до н.э.

2.0. В легистской главе "Гуань-цзы" сказано: «Дающий законы – это государь, блюдеющий законы – это чиновник, берущий законы за образец – это народ. Когда все – государь и чиновник, высший и низший, занимающий высокое и занимающий низкое положение – послушно следуют законам, это называется "навести великий порядок"». Как лучший правитель здесь описан такой, который беспристрастно награждает и наказывает людей независимо от своих симпатий и антипатий и от их статуса и решает дела на основании "мер длины и объема" (т.е. законов); его казни не вызывают ропота, а награды не считаются милостями, ибо он "осуществляет это на основании законов и установлений, беспристрастен, как Небо и Земля". В "Шан-цзюнь шу" закон определяется как то, что сообща держат в руках государь и чиновники, а доверие к закону – как то, что они совместно устанавливают. Во избежание смуты они не должны пренебрегать законом и действовать в соответствии с личными соображениями; мудрый правитель опирается на закон и не наносит ему ущерба по личным мотивам; его награды щедры и вызывают доверие, его наказания суровы и неотвратимы, он справедлив и к далеким, и к близким. Законы сравниваются с едиными мерами веса и длины, а их введение мотивируется необходимостью преодолеть недостатки субъективных суждений и пристрастий правителя (властьимущих) путем установления объективных образцов и стандартов для всех.

2.1. Чрезвычайно существенно, что беспристрастие правителя при применении законов уподоблено беспристрастию Неба (которое "все покрывает") и Земли (которая "все носит на себе"): это приводит к выводу, что, по мнению легистов, через применение законов реализовался универсализм правителя (его единое отношение ко всем подданным), копировавший универсализм сил космоса. Трактровка законов как образцов и стандартов, подобных мерам и весам, тоже позволяет включить их в ряд тех стандартов (от дудок-камертонов до твердых цен), которые воплощают монар-

ший универсализм. В этой связи отметим, что принцип универсализма буквально пронизывает реформы основоположника легистской школы Шан Яна: наряду с установлением единых для всех законов, проникнутых универсализмом, он ввел единое административное деление, т.е. реализовал универсализм в пространственном плане, в равной мере подчинив вновь образованные уезды правителю Цинь, а также осуществил стандартизацию налогов, мер и весов. Эти "универсалистские" институты унаследовала, распространив их на всю страну, империя Цинь – та самая, на которую в первую очередь ссылаются сторонники гипотезы о деспотической власти в императорском Китае.

2.2. Следовательно, в теории легизма есть требование, чтобы правитель не нарушал законов, и оно связано с универсализмом, отличающим это учение.

2.3. В даосизме (во всяком случае, эклектическом, эпохи Хань) встречаются сходные мысли, видимо, возникшие под влиянием легизма. Так, в "Хуайнань-цзы" сказано: "Закон – это мера длины и объема для Поднебесной, уровень и плотничий шнур (т.е. стандарт) для правителя людей ... Кто нарушил закон, непременно будет наказан, даже если он достойный; кто поступает в соответствии с нормой, непременно не будет наказан, даже если он недостойный. По этой причине путь справедливости и беспристрастия открыт, а путь деятельности в личных интересах закрыт. В древности ... книгами законов, нормами поведения и долгом – вот чем воспрещали [производ] государя, чтобы он не решал дел самоуправно ... По этой причине, когда правитель людей устанавливает законы, он сначала создает для себя стандарт и образец".

2.4. Легистское представление о необходимости для правителя беспристрастно соблюдать законы в течение Западной Хань было постепенно включено в конфуцианство, оказавшись созвучным той тенденции к универсализму, которая сосуществовала в этом учении с тенденцией к партикуляризму. В библиографическом трактате Лу Синя – Бань Гу в качестве достоинства легизма назван принцип "сделать награды заслуживающими доверия и наказания неотвратимыми", поставленный на службу "установлениям норм поведения".

3.0. Влияние легистского представления о том, что универсализм власти предполагает соблюдение законов правителем, прослеживается при Западной Хань. Бань Гу отмечает как характерную черту правления императора Сюань-ди, известного своей симпатией к легизму, соблюдение принципа "сделать награды за-

служащими доверия и наказания неотвратимыми". О другом использовавшем легизм государе Вэнь-ди известно, что, когда он в гневе хотел наказать человека тяжелей, чем полагалось по закону, "министр правосудия" Чжан Ши-чжи возразил: «Закон – это то, что одинаково [соблюдают] Сын Неба и Поднебесная. Если нынешний закон таков, а я вместо его [соблюдения] сделал бы более тяжелым [наказание], этот закон перестал бы пользоваться доверием народа ... "Министр правосудия" – это справедливость Поднебесной, если он единожды отклонится [от справедливости], то все, кто в Поднебесной применяет законы, из-за этого станут выносить слишком легкие или слишком тяжелые [приговоры; а в этом случае] куда "народу давать руки и ставить ноги?"» После этого Вэнь-ди согласился с приговором. В другом случае Чжан отстоял приговор по закону от попыток вдовствующей императрицы заменить его более тяжелым. Историк замечает, что Чжан "обладал законами и не поддаживался к намерениям" императора, был близок к идеалу, описанному в "Шу цзине" в словах: "Лишенный личного пристрастия, лишенный односторонней приверженности, путь истинного царя широк и далек. Лишенный односторонней приверженности, лишенный личного пристрастия, путь истинного царя ровен и гладок".

4.0. Второе культурное представление, предписывавшее правителю соблюдение законов, имеет династийный характер. Сохранилось известие, что ханьский У-ди вопреки собственной воле утвердил смертный приговор сыну своей сестры со словами: "Законы и указы были созданы прежним божественным властителем. Если ради младшей сестры нарушу законы, с каким лицом войду я в храм Гао-цзю? Кроме того, так я повернусь спиной к тьме простоллюдинов". По этому поводу Дунфан Шо сказал: "Я, Ваш слуга, слышал, что, когда совершенномудрые цари занимались правлением, награждая, они не пропускали врагов, наказывая, они не делали исключения для родной кости и плоти. В "Шу цзине" сказано: "Лишенный личного пристрастия, лишенный односторонней приверженности, путь истинного царя широк и далек". Делать эти две вещи считали тяжелым для себя пять божественных властителей, считали трудным для себя три царя, а Ваше Величество совершили их; по этой причине во внутренней области мира, лежащей между морей четырех стран света, каждый из добрых простоллюдинов получил подобающее ему место, и счастье Поднебесной велико ..."

4.1. Династийное представление, на которое указывает У-ди, – это концепция "тела" династии и связанная с нею мысль о творче-

стве и продолжительстве. Считалось, что основатель цзу (Гао-цзи при Хань) был главной творческой фигурой династии, создателем запаса ее силы де, воли чи, подвигов гун, великого наследия хун е; остальные императоры выступали как его продолжатели, которые могли только расширять и совершенствовать вклад цзу, соблюдать установленные им законы и нормы. Следовательно, законодательная деятельность цзу и его преемников представлялась качественно различной. Этим мы и объясняем попытки некоторых ханьских знатоков связать "статуты" (люй) с предшествующим правителем, а "указы" (лин) – с последующими правителями. Отсюда следует, что изменение наследия цзу (в частности, его законов) не могло не рассматриваться как нежелательное.

4.2. При Цинь и Хань изменение того, что было сделано царственным предшественником, расценивалось как демонстрация его ошибок. Так, в 209 г. до н.э. Эр-ши заявил, что не завершить строительства дворца Эпан, предпринятого его отцом, значило бы "показать, что прежний божественный властитель ошибся, когда начал это дело". В 208 г. до н.э. он добавил, что оно было начато, чтобы показать, что его отец достиг желаемого; что при нем, Эр-ши, из "подвигов и славных трудов прежнего божественного властителя кое-что осталось в наследство" и что, если хотеть упразднения "сделанного прежним божественным властителем", нечем будет "отплатить" ему. В 6 г. до н.э. сановник Гэн Юй напомнил императору, что "почтительный к родителям сын хорошо умеет усваивать стремления отца, хорошо умеет завершать чужие [т.е. его] дела". "Почтительность к родителям" требовала довершения, а не компрометации начинаний отца.

4.2. Этот тип поведения связывали с принципом сокрытия того, что дурно у государя и отца. Согласно "Янь те лунь", "кто является чьим-то подданным, до конца проявляет свою преданность и потому соблюдает служебные функции, а кто является чьим-то сыном, полностью выражает свою почтительность к родителям и потому принимает наследие. Если у государя бывает проступок, то подданный покрывает его; если у отца бывает проступок, то сын укрывает его. Поэтому, когда государь умер, подданный не меняет правления государя; "когда отец умер", сын "не изменяет пути отца"..."

4.3. Этот принцип был связан с представлением, что «отец и сын суть одно тело, которое разделено надвое, так что слава и позор одного касаются другого. Поэтому в "Лунь юй" говорится: "Отец скрывает [то, что дурно] у сына, сын скрывает

«То, что дурно у отца, — в этом и заключается прямота ...» («Бо ху тун»). Видимо, это же представление объясняет, почему сын «не изменяет пути отца» после его смерти.

4.4. Что верно по отношению к паре «отец — сын», верно и по отношению ко всему династийному «телу». В идеале «воля» любого представителя династии — это «воля» ее основателя, переданная «по цепочке». Изменение законов основателя (Гао-цзю) должно было рассматриваться как отступление от его «воли», как непочтительный по отношению к нему акт. Поскольку же основатель был особо сакральной фигурой, плоды его деятельности, воплощающие его творческую силу, имели ореол священности, и, хотя его закон не рассматривался как богоданный, на нем лежал отпечаток божественной личности избранника и сына Неба, а его изменение было своего рода святотатством. Вероятно, поэтому изменение законов Гао-цзю при его преемниках рассматривалось людьми эпохи Хань как преступление. Так, Сыма Цянь считал, что законодатель Чао Цю погиб потому, что «многое переменял и изменил» в сфере «законов и указов», а кто «изменяет устои древности и приводит в беспорядок постоянные правила, тот, если не умрет, то все потеряет». Цзи Ань ругал законодателя Чжан Тана: «Почему же вы, взяв старые законы [Досл. соглашения] августейшего божественного властителя Гао, беспорядочно изменяете их? За это вы, почтеннейший, [будете казнены вместе с семьей и] останетесь без потомков!»

5.0. Хотя отступление от законов основателя было, вероятно, меньшим преступлением, чем их изменение, и оно также шло вразрез с династийными представлениями, которые предписывали их соблюдение. Можно наметить две модели поведения правителя по отношению к соблюдению этих законов:

а) Правитель из религиозного почтения перед основателем соблюдает его законы, иногда вопреки собственному желанию, или же отказывается от мысли нарушить их под влиянием увещания.

б) Правитель, сознавая недозволённость своего поведения, а иногда и возможные отрицательные социальные и космические последствия, нарушает законы основателя.

5.1. Можно также наметить две модели отношения чиновников к нарушению правителем законов основателя:

а) Чиновник выступает в их защиту, когда правитель нарушил или собирается нарушить их; закон используется как основа для критики современности, а его нарушение может быть представлено как вызывающее неполадки в космосе. В том случае, если закон

признает за сановниками право военного выступления в свою защиту, эта модель может привести к такому выступлению.

б) Чиновник игнорирует законы основателя и полностью приспособливается к воле царствующего монарха. Возможная мотивировка: "То, что одобрял предшествующий правитель, записывали в виде статуты; то, что одобряли последующие правители, делили на статьи в виде указов. Что подходит нашему времени, является правильным, какой еще древности надо подражать?"

5.2. В первых моделях поведения правителя и чиновника закон (реализация воли основателя династии) ставится выше личной воли царствующего монарха, во вторых – ниже. Эти первые модели свидетельствуют об известной ограниченности власти императора законом.

Е.И. Кычанов

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ОТРОКОВ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Тангутский "Измененный и заново утвержденный кодекс [деви- за царствования] Небесное процветание (II49-II69 гг.)" содержит несколько упоминаний о социальной группе населения Си Ся, именуемой отроками. Из истории иных древних и средневековых обществ известно, что отроками, представителями младшего поколения, как бы естественно обязанными прислуживать старшему, нередко именовались группы зависимых или даже лично несвободных людей.

В.О. Ключевский отмечает, что отроки или "детские" русских летописей являлись терминами, которые "самим значением своим указывали на членов младшей дружины", прислужников.¹ В Китае, в эпоху южных и северных династий (IV-VI вв. н.э.) при чиновниках были люди, также именовавшиеся отроками – ганьтун или тунгань. Этих отроков раздавали чиновникам: в "Сун шу", истории династии Сун (420-478 гг.) упоминаются "отроки (ганьтун), раздаваемые (гэй) чиновникам пяти палат (у шэн)".² Существование службы отроков объясняется в "Цзы чжи тун цзянь": "Отроки (тунгань) – это те, кто дается для того, чтобы служить на посылках (ши) и исполнять приказы (лин)".³ При династии Южная Ци (479-501 гг.), – сообщается в "Тун дян", – существовали отроки (тунгань). Они выполняли обязанности, одинаковые с современными [VII в. – Е.К.] рассыльными (цойши) и привратниками (мэнлу)".⁴

В тангутском государстве отроки тоже были при людях высо-